

Барышников продолжает покорять гениальностью и скромностью

За рубежом. — 1999. — 1-7 июля (№ 25). — с. 10

Алистар МАКОЛЕЙ,
"Файнэншл таймс", Лондон.

Двадцатый век оказался на редкость богатым на тех, кого называют звездами мужского балета. Но среди всех тех, кого мы по праву именуем "великими", совершенно очевидно, что трое предстают как самые великие: Вацлав Нижинский, Фред Астор и Михаил Барышников. Другие, прежде всего Леониде Массине в период между 1918 и 1948 годами и Рудольф Нуриев в 60-е и 70-е, бесспорно, были истинно великими звездами. Основание поставить Нижинского, Астора и Барышникова в особый ряд заключается в некоей загадочной особенностях гения — в способности достичь невероятного и сделать это так, как будто иначе и быть не может, и одновременно представить миру и убедить его в том, что это все еще отнюдь не предел, что все еще впереди. И все трое при этом выступали как сокрушители собственных же канонов и форм, что и в плане чисто физического, и в контексте темперамента не было ранее типичным.

Из всех трех упомянутых Барышников в наименьшей степени окутан легендами, и складывается впечатление, что он ведет себя так, чтобы именно это представление о нем и создавалось. Ему присущи истинные скромность и смирение. В 1978 году, когда в кинофильме "Поворотный момент" Герберт Росс запечатлел Барышникова в самый момент славы и блеска, превратив его имя в икону и маяк балета для всего мира и во всем мире, он вдруг уходит в "Нью-Йорк сити бэлли", хореографическую труппу и компанию, которая всегда тщательно избегала заманивать к себе именитых звезд балета, причем давая им более чем скромное содержание. И Михаил после очередного выступления, когда зал буквально гремел аплодисментами, вызывая снова и снова знаменитого артиста, выходил с традиционными поклонами к зрителям вместе с остальными исполнителями. И никакие громкие и возвышенные фраз и оценок в свой адрес, ни малейших попыток как-то привлечь внимание публики к собственной персоне.

Разумеется, существует и совсем другой Михаил Барышников. И такой Барышников известен своей сугубой отстраненностью, нежеланием вступать в какие-либо контакты, когда все складывается совсем не так, как ему бы хотелось. И этот второй Барышников оказывается до странности ранимым человеком, оценки со знаком минус в его адрес заставляют его страдать. В 1989 году, например, когда он возглавлял Американский театр балета, причем на протяжении почти девяти лет, его новая постановка "Лебединого озера" получила в основном негативные отзывы. И Барышников без какой-либо суеты и нервозности, без малейших сомнений и колебаний принимает решение об уходе из компании.

Но он никогда не устраивал сцен, никогда не дулся и не обижался, не жаловался на публику. Человек он в сути своей объективный и трезвомыслящий, он практически оценивает складывающиеся ситуации. В момент своего ухода из Американского театра балета ему уже был 41 год. И спустя некоторое вре-

мя после ухода он говорил своему приятелю: "Если бы я остался здесь, в АТБ, меня в лучшем случае хватило бы года на два, не больше. Если же более плотно займусь современным балетом, я, пожалуй, смогу продержаться на плаву еще несколько лет".

И вот таким образом в самом начале 90-х Михаил Барышников и Говард Гилман взялись за разработку и воплощение в жизнь идеи создания нового ансамбля, новой хореографической компании "Уайт Оук Данс" ("Танцы белого дуба"). В этой хореографической труппе Барышников вместе с солистами, имеющими опыт выступлений в современном балете, создает смешанный репертуар современного танца. Выступает он и с "Балетной компанией" Марка Морриса (кстати, этот известный американский маэстро-хореограф во многом содействует созданию танцевального репертуара в "Уайт Оук Данс").

Недавно в Бостоне я встречался с Барышниковым. Полный добродушия и очарования; энергичен и вместе с тем сдержан, умерен и скромнен — вот корень его природы, и эти качества лежат и в основе его здоровых, объективных суждений. Сплошное наслаждение наблюдать его в этих присущих ему ипостасях, причем и на сцене, и просто в жизни. Кстати, с первого взгляда он может и не особенно вам показаться одним из самых привлекательных и интересных современников, поражающим силой своего характера и естественной, от Бога, элегантностью.

Спрашиваю, почему его столь влечет к новому, к вечным переменам, в этом качестве он, кажется, превзошел всех других танцоров (од-

но из его последних увлечений и начинаний — работа с Тамасабуро, актером японского театра Кабуки). "Знаете, — звучит ответ, — еще в школе я обратил внимание, что из меня может получиться неплохой характерный танцор. И физически, и по своему темпераменту я мог бы заняться национальными танцами и выступать в тех или иных характер-

ных ролях. Но хотелось большего — попробовать себя и показать, что сумею выдержать исполнение ведущих ролей в классическом балете. И не только просто как танцор, но и как партнер, и как мим, кстати. Конечно, было нелегко, ростом я коротковат, слишком много мальчишеского, да и робок был, застенчив. Потребовалось время и много работы, чтобы выяснить, гожусь ли на главные роли, выдержу ли три-четыре акта подряд. Но когда выяснилось, что способен, сумею потянуть классику, мне это в итоге тоже показалось недостаточным. Я как бы оказался и там, и здесь и в то же время и не там, и не здесь. Ведь эти заглавные, царственные роли в балете уже отыграны задолго до меня, а кто-то и после меня будет их исполнять — и лучше меня. Честно, это отличные роли, но, понимаете, они уже отыграны. А что мне хотелось бы, что мне было нужно — то, что, возможно, и проживет дольше, и это должно было быть чем-то новым, чем-то новым именно для меня".

Хотя Барышников, если так можно сказать, — образцовый коллега на сцене, чувствующий локоть других выступающих рядом с ним, одним словом, звено в единой цепи, он все же в существе своем — солист, и этот его дар — от Бога. И сейчас его в высшей степени устраивает работать, пробовать себя в "Американском современном танце", ибо, как он сам поясняет, "такова традиция американского танца, традиция для солистов, одиночек, индивидуальностей, традиция, уходящая в прошлое, — возьмите Айседору Дункан, Рут Ст. Деннис, Марту Грэхем".

Сегодняшний Барышников собрал воедино для своего репертуара целую команду солистов-личностей: Мерс Каннигхэм, Джером Робинс, Жозе Лимон, Марк Моррис, Твайл Тарп, и это только часть его новой "сборной".

"Очень многое еще зависит от того, где ты выступаешь, — считает Барышников. — Чем менее масштабна площадь аудитории, чем ближе зрительский зал, тем лучше. Потому что именно в таких условиях ты способен, скажем так, делать меньше, добиваться в конечном счете большего... В прошлом году по причинам всякого рода обстоятельств финансового и административного

характера застопорилась работа и выступления нашей труппы "Уайт Оук Данс". В итоге, ради того, чтобы оплачивать счета, мне пришлось пуститься в путь, в одиночное плавание, и только тем и заниматься, что выступать солистом в целых танцевальных программах. Это — испытание одиночеством на сцене, но это — и великое испытание, большой шанс. Иметь за собой, за своей спиной всего пятерых музыкантов и в итоге прежде всего полагаться на саму музыку. И, тем не менее, в конце года я сказал себе: "Хватит. Я снова хочу танцевать, но не в одиночку, а с людьми, с другими исполнителями".

"Я не как Рудик, — вдруг совершенно неожиданно говорит Михаил, — вы знаете, Рудик (Рудольф Нуриев) был способен репетировать свое выступление в течение трех дней, а затем, уже на сцене, выдавать его в ритме нон-стоп на протяжении полугода".

"Для меня же, — продолжает Барышников, — нет большего наслаждения и счастья готовить, репетировать свою новую работу в течение целых шести месяцев, но дать после всего этого лишь мизерное число выступлений".

"А если обстоятельства так складываются, что мне приходится быть на гастролях слишком долго, я начинаю скучать, мне не хватает моего дома, близких. И не могу сказать, что с удовольствием вспоминаю свои прошлые выступления, танцы, которые создавал. И если я, допустим, не танцевал где-то около полугода, то начинал репетировать вещь, которую готовил с самых азов, как будто бы и не было уже накопленного опыта. Только тогда все получится, как надо".

Я ощущаю, что просто должен задать ему один вопрос, чтобы он смог объяснить мне по сути дела необъяснимое. Двадцать лет назад, говоря я, и, пожалуй, даже еще раньше, он, словно бы играючи, без зримых усилий, добивался того в своем исполнении, во что просто было невозможно поверить. И как получается, что сегодня, когда он, выступая в своих сольных программах и, возможно, не совершая ни тех, прежних, поразительных поворотов, ни тех, прежних, невысказанных прыжков, он, чьи двадцатилетней давности прыжки и пируэты по-прежнему составляют предмет немого восхищения и изумления, по-прежнему, похоже, предстает как величайший танцор, которого я когда-либо видел на сцене?

Сначала, отвечая на вопрос, Барышников адресует к ожиданиям публики. "В Америке, — говорит он, — я выступал почти каждый год, фактически без перерыва, начиная с 1974 года, и они, американцы, в общем, привыкли ко мне, к такому, каков я и есть на самом деле... Но в Европе требовалось какое-то время, чтобы аудитория могла "приспособиться" ко мне, видеть меня с моими босыми ногами и признать, свыкнуться с мыслью, что здесь не будет ни двойных поворотов, ни пируэтов. Имели место и несколько двусмысленных моментов в Европе, когда зрители говорили: "О, хотел бы я взглянуть на него в "Лебедином озере" или "Жизели".

Мой опыт, однако, говорит об обратном. Люди, видевшие его впервые или 20 лет спустя, мгновенно

оценивают его величие и неповторимость, застывая в благоговейном трепете. Однако Барышников, по всей видимости, отдает себе отчет, насколько он хорош, насколько он — то, что надо, и на что способен. Позже он замечает: "То, что я так люблю в работах Марка Морриса, — так это его ненависть к сценическому манерничанью, всякого рода трюкачеству. Он на самом деле способен поднять зрителя с мест и заставить заглянуть туда, где "прячется" оркестр, чтобы увидеть там нечто особенное, столь близкое сердцу каждого зрителя, чтобы тот почувствовал — и я, наверное, смог бы сделать кое-что вроде этого".

"Понимаете, — продолжает Барышников, — в балете, в танце самое трудное — это на самом деле самое простое, элементарное — как пройти, просто пройти, как стоять, просто спокойно стоять. Поначалу это чертовски трудно. Но со временем в вас крепнет уверенность, что вы сделаете все, как надо, самопроизвольно, интуитивно. И вы начинаете верить в законы хореографии. И все же суть не в том, как вы идете или как стоите. Марта Грэхем не уставала повторять: "Тело врать не способно", и в конечном счете вы просто не можете и не сможете притворяться, быть кем-то еще, а не самим собой. Но вот кто вы? В конечном счете это и есть самое главное".

Новости

● В Риме после 20-летней реставрации открываются для публики руины дворца императора Нерона "Золотой дом". Развалины, обнаруженные в XV столетии, были предметом многочисленных паломничеств художественных мастеров Возрождения. По словам археологов, оформление и фрески дворца свидетельствуют об исключительном художественном вкусе императора, прославившего своей жестокостью.

● Известный британский дирижер сэр Саймон Рэттл назван новым главным дирижером оркестра Берлинской филармонии. Это произошло путем редкой для музыкального мира демократической процедуры тайного голосования среди оркестрантов. Главным соперником Рэттла до последнего дня был возглавляющий Берлинскую оперу Дэвид Баренбойм. 44-летний Саймон Рэттл займет свой новый пост в 2002 году, после ухода нынешнего руководителя Берлинского оркестра Клаудιο Аббадо.

● "Портрет пожилого человека", один из лучших автопортретов Рембрандта, будет продан музею Маурицхейс в Гааге. Эта сделка была под сомнением в связи с запретом британских властей на экспортную лицензию — картина с 1919 года находится в частной коллекции в Лондоне. Однако запрет теперь истекает ввиду отсутствия покупателя внутри страны.

Радио "Либерти".

Барышников Михаил

17.99